

В.Х. МАГОМАЕВ
(Грозный)
Д.С. КИДИРНИЯЗОВ
(Махачкала)

**РОЛЬ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ
ГОРОДОВ В РАЗВИТИИ ТОРГОВО-
ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ
МЕЖДУ НАРОДАМИ РЕГИОНА
И НАРОДАМИ ЮГА РОССИИ
В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.**

Раскрывается роль городов региона в расширении торговых отношений местных народов между собой и населением Юга России исследуемого периода. Подчеркивается, что российское правительство рассматривало торговлю как средство укрепления своих политических и экономических позиций в крае, всячески старалось регламентировать обменную торговлю на Северном Кавказе.

Ключевые слова: *Россия, Кавказ, народы, администрация, города, торговля, экономические связи, влияние, развитие.*

В расширении торговли на Северном Кавказе российские власти видели средства для распространения своего влияния в районе Каспийского и Черного морей [21, с. 149]. В сентябре 1724 г. царь Петр I подписал указ, в котором предписывалось перевести в крепость Святого Креста гарнизон и жителей крепости Терки.

Новая крепость Святой Крест находилась у реки Сулак в 200 верстах южнее Терека, в 67 верстах от устья реки Аграхани, там, где Койсу делится на два рукава: Южный Сулак и Северную Аграхань. Крепость постепенно превращалась в город. Сюда же переселились местные народы, ранее жившие в Терках слободами. По сведениям И. Гербера, у местных народов, живущих близ крепости Святого Креста, одно из ведущих мест занимала торговля [5, с. 70–71, 73]. Развитию торговли способствовало также и решение правительствующего сената от 24 марта 1724 г. о беспошлинном «провозе и свободной продаже вина, табака и всяких хлебных и мясных припасов и ско-

та в Дербенте, Баку и в крепости Святого Креста» [27, с. 295].

На рынок посада крепости собирались представители всех народностей Северного Кавказа. Наряду с местными северокавказскими торговцами в крепости большой обмен вели русские, армянские, грузинские, персидские, индийские купцы. Здесь собирался крупнейший конский базар, где счет шел на сотни голов. Кроме того, здесь же торговали крупнорогатым скотом, овцами. Крепость Святого Креста служила и крупным узловым пунктом транзитной торговли России со странами Закавказья и Ирана [17, с. 77].

С момента основания в 1735 г. крепость Кизляр становится крупным экономическим центром, который до начала XIX в. сосредотачивал до 90 % всей торговли Предкавказья [19, с. 87]. Значительна была роль Кизляра во внешней торговле. 15 мая 1755 г. здесь были учреждены пограничная таможня и форпосты «для взимания пошлин» с ввозимых из-за границы и вывозимых за границу товаров. Такое положение Кизляр занимал до 1785 г., до того времени, когда была образована Кавказская губерния, состоящая из двух областей – Кавказской и Астраханской. Кизляр выполнял функции, с одной стороны, важного транзитного узла в торговле России со странами Востока (к середине XVIII в. это средоточие русско-кавказских экономических связей), с другой – многонационального торгового центра, где народы Северного Кавказа обменивались продукцией своей хозяйственной деятельности [15, с. 86].

На базары Кизляра съезжались все народы Северного Кавказа, привозя продукты сельского хозяйства, изделия ремесел, пригоняя скот. Среди местных товаров также фигурируют «чихирь тавлинский», сушеные фрукты, бурки, кафтаны, сукно, меха диких зверей, конские и бычьи кожи, марена [19, с. 90]. Русская администрация Кизлярской крепости закупала у ногайцев для армии драгунских и гужевых лошадей. Следует также отметить тот факт, что немаловажная роль в обеспечении всех транзитных сухопутных перевозок товаров региона принадлежала ногайцам. Они поставляли и перевозили на своих арбах за пла-

ту почти всю массу купеческих и казенных товаров из Кизляра, в Астрахань, Моздок, Дербент и обратно [32. Оп. 1. Д. 2; Д. 34, Л. 35; Д. 44. Л. 4, 99].

Другим важным городом на Северном Кавказе, не только имевшим военное, оборонительное значение, но и призванным стать опорным пунктом русско-северокавказских торгово-экономических и культурных связей, был Моздок. Появление Моздока способствовало расширению и укреплению торгово-экономических, политических и культурных связей между Россией и народами региона.

Моздок, как и Кизляр, стал одним из главных пунктов торговли местного населения с Россией. В Кизляр и Моздок приезжали ногайцы с крупным рогатым скотом, лошадьми, овчинами и пр., чтобы обменять у казаков соль, рыбу, икру, а у русских и армянских купцов – хлопчатобумажные ткани, железо, чугуны, свинец, посуду и др.

Эти города Северного Кавказа, хотя и возникли как форпосты русской оборонительной линии и опоры колониальной политики царизма на подступах к горному Кавказу, выполняли объективно и иные важные функции в регионе. Они не только служили опорной базой в защите северокавказских народов от турецко-крымской и персидской агрессии, но и превратились в центры ремесленного производства и главные торговые пункты, где местное население сбывало свою продукцию животноводства, земледелия, ремесла и приобретало необходимые изделия российской промышленности.

Став уездным городом в 1785 г., Моздок расширил свои торговые функции. В 1794 г. здесь насчитывалось более 100 торговых заведений, а в 1799 г. в Моздоке была открыта первая ярмарка [23, с. 85, 148].

В результате сооружения в 70–80-х гг. XVIII в. сплошной кордонной Азовско-Моздокской линии в Предкавказье выросли новые российские города-крепости. Кроме Кизляра и Моздока, к числу таких городов относились Георгиевск, Ставрополь, Екатеринодар и др.

Ногайцы принимали участие в строительстве укреплений и населенных пунктов Кавказской линии, помогали русским крестьянам в обживании степных просторов, перевозили военные и гражданские грузы, лес, казенную почту [25. Л. 2–5].

Особого внимания заслуживают документы, рассказывающие о добрососедских связях ногайцев с терскими казаками [32. Оп. 1. Д. 99. Л. 34, 48]. Во время неурожаев и голода казаки

помогали ногайцам провиантом и др. [32. Д. 45. Л. 35; Д. 125. Л. 77].

С усилением влияния России на Северном Кавказе экономические связи ее с местным населением значительно расширились. Налаженной торговля народов Северного Кавказа с русскими стала благодаря открытию на Кавказской линии меновых дворов. Первые меновые дворы на Кубани были открыты в конце XVIII в. [2, с. 32]. Однако царское правительство, рассматривая торговлю как средство укрепления своих политических и экономических позиций в регионе, как орудие давления и воздействия на местное население, всячески регламентировало обменную торговлю с ними. Поэтому в 1780 г., например, предлагалось проводить меновую торговлю в таких пунктах, как Екатеринодар, Георгиевск, Ставрополь. В указе от 9 мая 1785 г. об открытии Кавказского наместничества также говорилось о необходимости заводить города для «развития торговли» с местными народами [33, с. 274].

С открытием меновых дворов народы Северного Кавказа были поставлены в жесткие условия, стеснены в своих торговых операциях обязательностью обмена своей продукции только в указанных пунктах. Обмен товаров совершался под непосредственным присутствием представителей местной администрации, которые вместе с чиновниками меновых дворов зачастую прибегали к различным злоупотреблениям с целью наживы и обогащения. Возникновение меновой торговли обнажило колониаторскую сущность экономической политики царизма на Кавказе, что выразилось прежде всего в том, что народы региона должны были покупать соль, хлеб и другие товары за деньги, а сбывать свою продукцию только путем обмена товара на товар.

Несмотря на то, что меновые дворы носили по своей сущности колониально-грабительский характер, все же они сыграли некоторую положительную роль в торгово-экономических связях народов региона с Россией. В 1811 г. генерал Торماسов писал военному министру Барклаю де Толли, что на меновые дворы «обитатели Кавказской губернии весьма охотно начали доставлять хлеб к карантинам, в тех местах учрежденных, и взаимно с горцами выменивают произведения и изделия свои при существенном обхождении и обоюдной доверенности» [1, с. 929].

Естественно, все это не могло полностью удовлетворить ни местное население, ни русских, заинтересованных в свободной торговле.

Поэтому они начинают искать новые пути экономических связей, минуя меновые дворы с их жесткой, стеснительной регламентацией. Российскому правительству так и не удалось до конца монополизировать меновую торговлю с местным населением, торгово-экономические взаимоотношения их с русскими все больше и больше расширялись благодаря ярмаркам и другим формам товарного обмена.

Первые ярмарки на Северном Кавказе появились в 1781 г. при Ставрополе и Георгиевске [13, с. 191]. Наиболее крупными являлись ярмарки Ставрополя. Здесь были учреждены две ярмарки, собиравшиеся, как правило, вначале дважды в год: Троицкая (весной) и Ивановская (осенью). Сюда съезжались люди из всех сел и станиц со всего Северного Кавказа, торговые люди и купцы из Москвы, Ростова, Новороссийска, Тифлиса, Воронежской, Курской и Екатеринославской губерний.

Открывались ярмарки на городской площади. Московские ситцы, ярославские полотна, елецкие кружева, саратовская сарпинка, персидские ковры, бухарские шали и платки, английские сукна раскладывались в лабазах; в других торговых антоновскими яблоками, грушами из Дагестана, вяземскими пряниками и коврижками. Горами наваливались арбузы, дыни и капуста, гирляндами висели плетенки чеснока и лука. В конском ряду шла оживленная торговля воронежскими тяжеловозами, быстроногими ногайскими и кабардинскими скакунами.

Местные народы, принимавшие активное участие в ярмарочной торговле в городах, селениях и станицах, в свою очередь, пригоняли сюда для продажи крупный рогатый скот, лошадей, овец, привозили продукты животноводства (овечью и верблюжью шерсть, кожи), овчины, овчинные шубы, шапки, изделия из шерсти, сукна, бурки, башлыки, лес, лесоматериалы, арбы, деревянные изделия, а также мед, воск и т.д. Взамен местные народы получали просо, пшеницу, муку, пшено, хлопчатобумажные ткани, металлические предметы и другие промышленные товары.

В конце 20-х гг. XIX в. наблюдается некоторое оживление ярмарочной торговли в Моздоке и Георгиевске. На ярмарку, которая состоялась в Моздоке осенью 1829 г., было привезено товаров российской промышленности на сумму 168 191 руб. Кроме того, на эту ярмарку были завезены европейские товары на 8 903 руб., турецкие на 15 720 руб., китайские на 9 840 руб.

Более крупной была Покровская ярмарка, состоявшаяся в октябре 1829 г. в Георгиевске. Общий оборот данной ярмарки составлял 1 176 065 руб., в том числе российских товаров на 1 068 340 руб., а также европейских – на 34 305 руб., восточных – на 73 420 руб. [18, с. 49].

Ярмарки эти имели большое значение в деле постепенного вовлечения местного населения в рыночные связи, проникновения в село товарно-денежных отношений, развития торгово-экономических контактов России с народами региона.

Наряду с ярмарочной торговлей в городах Северного Кавказа, а также в ряде крупных сел и станиц функционировали еженедельные базары, имевшие важное значение во внутренней торговле, втягивании в нее местных народов, служившие средством осуществления экономических связей города с сельской местностью. В 30-х гг. XIX в. Северный Кавказ включается в единую таможенную систему России, что способствовало усилению экономических связей региона с промышленными районами Центральной России.

Важное место в хозяйственной жизни притеречных районов в XVII–XVIII вв. занимало разведение шелка-сырца. Некоторые казачьи станицы занимались исключительно шелководством. Так, в 30-х гг. XIX в. в станице Шелководской 13 хозяйств имело от 50 до 200 тутовых деревьев, 9 хозяйств – от 200 до 400, 8 хозяйств – от 500 до 1000, 2 хозяйства – от 1 500 до 2 000 [12, с. 54].

Российское правительство требовало от кизлярской администрации предоставления данных о количестве производимого на Северо-Восточном Кавказе шелка. В целях поощрения торговли с Россией шелком-сырцом Сенат своим указом от 1756 г. отменил даже торговые пошлины на него [32. Оп. 1. Д. 1157. Л. 8].

Согласно архивным источникам, отдельные русские купцы стали создавать в Кизляре «шелковые фабрики» [Там же. Оп. 3. Д. 138. Л. 28]. В 1778–1783 гг. в Кизляр было вывезено 5 499 пудов 22 фунта шелка-сырца. В последующие годы ввоз шелка-сырца в Кизляр, а оттуда в Астрахань увеличился [20, с. 84–85].

Уже к началу XIX в. ежегодное производство шелка на Северном Кавказе составляло 215–305 пуд., в 20-х гг. того же столетия – до 378 пуд., а в 30-х гг. – около 375 пуд. Половина (а в отдельные годы и больше) производимого шелка приходилось на долю Кизляра и прилегающих к нему районов [12, с. 54]. Из Кизля-

ра и прилегающих населенных пунктов шелк-сырец вывозился на продажу в российские города и Закавказье.

В 40-х гг. XIX в. в Кизляре насчитывалось 24 крупных шелкозаводчика. В 1846 г. они получили 120 пуд. шелка-сырца [12, с. 55].

Во второй половине 40-х гг. XIX в. здесь наблюдается упадок шелководства. В 1854 г. в Кизляре и его округе насчитывалось только 180 тыс. тутовых деревьев. Кизлярский шелк по сравнению с привозным занимал уже весьма скромные объемы. Так, в конце 20-х гг. XIX в. Кавказская губерния давала 378 пуд. шелка, в то время как ввоз шелка в Россию из Закавказья составлял в среднем 14,5 тыс. пуд. в год.

Другой традиционной для народов Северного Кавказа отраслью хозяйства было скотоводство, продукция которого находила широкий сбыт на российском рынке. Так, в 1815 г. за пределы Кавказской области было продано в центральные регионы России 14 700 овец и до 10 тыс. голов крупного рогатого скота. В 1817 г. из Кавказской области было продано только крупного рогатого скота 18 060 голов, в том числе в Петербург – 8 480, Москву – 2 670, Воронежскую губернию – 2 760, Тамбов – 1 250 и т.д. [10. Л. 4, 15–17].

Скот для отгона в Центральную Россию закупался на ярмарках. Наиболее значительные ярмарки живого скота бывали в Ставрополе, а также в селах, расположенных на Черкасском тракте – Московском, Медвежьем и Среднем Егорлыкe. Здесь обычно и формировались гурты скота, направлявшиеся в центральные регионы страны. Лошадей закупали на конских ярмарках, две устраивались в Моздоке, две – в Ставрополе и пять – в крупных селениях Кавказской губернии (области) [9. Л. 11, 12, 18].

Кавказский скот высоко ценился в крупных городах России, таких как Санкт-Петербург, Москва и др. «Скот, – писал в 1850 г. Г. Небольсин, – покупаемый на Кавказской линии, в торговле известный под именем слободского, ценится выше прочего, потому что он был хорошо откормлен, дает нежное и сочное мясо. После слободского скота лучшим почитается донской, черноморский и украинский» [22, с. 222].

С развитием товарно-денежных отношений на Северном Кавказе все более увеличивалось значение постоянной оптовой и розничной торговли, сосредоточенной в лабазах, складах, магазинах и лавках. Например, в Кизляре для постоянной торговли существовали три рынка. В самом городе торговля велась в

местных лавках, их число в начале XIX в. доходило до 250 [24, с. 446–447].

В середине XIX в. значительно усилилась лавочная торговля и в других городах региона (Моздоке, Ставрополе, Георгиевске и др.). Только в 1848 г. в Ставрополе для постоянной оптовой и розничной торговли было построено 4 каменных и 106 деревянных помещений [26. Л. 17об]. Наметился рост товарно-денежных отношений, но они еще не были господствующими. В 1845 г. наместник царя на Кавказе князь М.С. Воронцов представил российскому правительству проект расширения меновой торговли с народами Северного Кавказа. Согласно этому проекту, некоторые меновые дворы должны были быть перенесены из небольших постов кордонных линий в города Моздок, Кизляр, Пятигорск, что дало бы возможность привлечь к торговле с местными народами русских купцов.

9 февраля 1846 г. было издано новое Положение о меновой торговле, содержавшее определенные уступки российской буржуазии, но основная цель этого документа состояла в том, чтобы удержать монополию торговли, расширить и укрепить влияние среди народов Северного Кавказа [18, с. 177–179]. До издания нового Положения народы региона могли приобрести на меновых дворах только соль и иногда просо. Между тем местное население предъявляло спрос на различные промышленные изделия.

Именно поэтому возле многих кордонных укреплений стихийно возникал меновой торг, который со временем приобретал форму регулярно действовавших базаров. Их называли на Северном Кавказе сатовками (от тюркского *сатма* – «продажа»). На таких базарах местные жители «везде беспечно бродили между русскими как русские мужики» [7. Л. 7]. Население ближайших к сатовкам местных аулов заметно увеличивалось. Так, после того как был открыт базар близ Воздвиженского укрепления в Чечне, население окрестных сел «выросло втрое, десятки семей переселились ближе к крепости» [4, с. 543].

Местные народы, не удовлетворяясь тем, что они могли получить от русских солдат и казаков на сатовках, настоятельно просили местную администрацию о допуске их к участию в ярмарках и базарах, происходивших во внутренних районах Предкавказья. Так, еще в 1793 г. закубанские адыги из племени хатукай просили, чтобы «позволено было купечеству людям из нашей стороны переезжать в российские места для торгового промысла» [6.

Л. 16]. В 1827 г. абадзехские старшины, «отказавшись совершенно от повиновения паше Анапскому», просили русские власти о «пропуске за Кубань всех припасов, в каких они будут иметь нужду» [8. Л. 20].

Местных жителей можно было встретить на ярмарках и базарах в Ставрополе, Пятигорске, Георгиевске, Моздоке, а также во многих населенных пунктах региона. Так, в 40-х гг. XIX в. в большом количестве посещали они ярмарки в Екатеринодаре. Только в период так называемой Покровской ярмарки, проходившей здесь с 25 сентября по 2 октября 1845 г., побывало более 1 000 закубанских адыгов и ногайцев. Они привезли товаров на сумму более 2,5 тыс. руб. серебром, а вывезли – на 2,5 тыс. руб. серебром [Там же. Л. 65]. В следующем, 1846 г. во время двух ярмарок в Екатеринодаре местными народами было привезено товаров на 13 842 руб. серебром и вывезено в Закубанье на 12 779 руб.

Успехи в экономическом развитии городов региона находили отражение в изменении социального состава городского населения. Постепенно, хотя и медленно, возрастал удельный вес купцов и мещан. Правда, нужно отметить, что для дореформенного периода трудно разграничить горожан по роду их занятий (например, большинство купцов и мещан наряду с торговлей занимались и сельским хозяйством).

Экономическое освоение региона имело большое влияние на рост городского населения. Особенно увеличилось население городов, которые находились в районах усиленного крестьянского заселения и развивающегося торгового земледелия. Выгодное географическое положение Ставрополя способствовало его быстрому экономическому прогрессу и росту населения. Так, если в 1825 г. в Ставрополе было 3 603 чел., то в 1856 г. население увеличилось почти в пять раз (17 309 чел.) [28, с. 223–227].

Однако по мере развития в России капиталистических отношений российский правительству стало ясно, что Предкавказье будет играть важную роль в деле включения Кавказа в систему всероссийского рынка. Правительство, признав этот факт, пошло на создание некоторых благоприятных условий в этом направлении. Царь Александр II своим указом от 7 июня 1857 г. утвердил решение Кавказского комитета об упразднении таможенной линии по Кубани и Тереку. В этом решении отмечалось, что «внутренние таможенные линии всегда вредны для промышленности и крайне

затрудняют внутренние сношения» [26. Оп. 9. Д. 54. Л. 27]. Естественно, упразднение этой таможенной линии должно было способствовать развитию торгово-экономических взаимоотношений народов региона с Россией. Нужно указать, что в полной мере это решение сказало немного позднее, в пореформенный период.

Уровень развития торговли и промышленности в дореформенный период в регионе определялся в основном внутренними потребностями экономики Северного Кавказа и его населения. Промышленность носила в основном потребительский характер и была представлена мелкими предприятиями по переработке продуктов животноводства, виноделия и др. В связи с необходимостью благоустройства городов появились кирпичные заводы. Местная промышленность в основном сосредотачивалась в таких городах, как Ставрополь, Кизляр, Моздок, Пятигорск, Георгиевск, Владикавказ.

В первой половине XIX в. Кизляр вел бойкую торговлю со многими губерниями и городами России, а также народами Северного Кавказа. Так, в 1830 г. Кизляр вел торговлю с Астраханской, Екатеринославской, Нижегородской, Слободско-Украинской, Курской губерниями, с Москвой, Санкт-Петербургом, с народами Северного Кавказа, Закавказья и Персией [14, с. 137]. В 50-х гг. XIX в. из Кизляра в Нижегородскую ярмарку ежегодно вывозили до 500 тыс. ведер виноградного вина, в другие центральные города России отсюда отправляли шелка-сырца до 100 тыс. руб., на 150–200 тыс. рыбы. Кроме того, крупными партиями отправлялись в Россию марена, шерсть, кожи на 1,5–2,1 тыс. руб. [22, с. 59, 265].

В первой половине XIX в. Кизляр вел активную торговлю также по так называемой Кавказской линии (простиравшейся от устья Кубани до устья Терека). В Кизляре многие народы региона продавали продукты животноводства и земледелия, изделия ремесла и покупали промышленные товары. Позже Кизляр, оставшись в стороне от важнейших торговых дорог, в 60-х гг. XIX в. превратился в обыкновенный уездный город.

Немалую роль в жизни народов Северо-Восточного Кавказа сыграла крепость Грозная, основанная в 1818 г. на левом берегу р. Сунжи. В середине XIX в. для чеченцев, казаков, ногайцев, кумыков и др. крепость Грозная превратилась в административный и экономический центр. Сюда местные народы привози-

ли продукты своего хозяйства и покупали промышленные изделия и соль [22, с. 132].

Крепость Грозная превратилась не только в один из важнейших военно-стратегических пунктов в регионе, но и в его потенциальный экономический центр. В конце 50-х гг. XIX в. крепость Грозная становится более оживленной, здесь появляются много магазинов, духанов, постоянный базар, на котором бойко торговали русские, казаки, армяне, евреи, чеченцы, ингуши, ногайцы, кумыки и др. На базар приезжали из многих сел и станиц Чечни. «Крепость Грозная, – писал в 1859 г. В.А. Инсарский, – в то время так же мало походила на крепость, как и Владикавказ. Это скорее был один из уездных городов средней руки» (цит. по: [11, с. 106]).

В связи с усилившимся в 30–50-е гг. XIX в. курортным строительством на Северном Кавказе получили дальнейшее развитие некоторые города, расположенные в местностях с минеральными источниками (Пятигорск, Ессентуки, Кисловодск, Железноводск) [31, с. 179]. Жители соседних ногайских аулов, близлежащих станиц и немецких колоний бесперебойно снабжали эти курортные города продовольствием [16, с. 74]. Пятигорские ногайцы как искусные изготовители лечебного напитка – кумыса – привлекались для лечения курортников. Следует отметить, что кумысом лечили при заболевании туберкулезом. Кроме того, ногайцы предоставляли жилье для отдыхающих.

В 1810 г. статский советник Малинский в рапорте ген. Тормасову сообщил, что кроме других услуг «выставляемы были от ногайского народа кочевые кибитки, в коих приезжавшие имели для себя пристанище» и далее просил: «... не угодно ли будет к маю месяцу приказать ногайским приставам выслать к кислым водам хотя бы по 30-ти ногайских кибиток из близ кочующих аулов, с людьми, их разбивать умеющими и кошмами на подстилку» [1, с. 919].

Ногайцы также обучали верховой езде «лиц, приезжающих в Пятигорск и Железноводск “покурсовать”, а также отдают лошадей взаймы для верховых прогулок <...> Другие готовят там же кумыс для больных» [29, с. 50–51].

Следует сказать, что пятигорские ногайцы изготавливали на продажу войлок, сукно, башлыки, черкески и др. [Там же, с. 51] В 1851 г. А. Архипов указывал, что «ногайцы Султанского аула славятся в крае своими ремесленными изделиями, которые сбывали в Пятигорске посетителям вод» [3].

Курортный характер района Кавказских Минеральных Вод наложил отпечаток и на его торгово-промышленное развитие. В целом торговля носила местный характер и отличалась крупными торговыми оборотами за счет, с одной стороны, бурно развивающейся курортной жизни, с другой – ярмарочной торговли. Ежегодно здесь собиралось 6 крупных ярмарок, в том числе 5 – в Георгиевске [30, с. 13].

Успехи экономического освоения региона в первой половине XIX в. способствовали росту товарно-денежных отношений и вовлечению Северного Кавказа в сферу единого всероссийского рынка. Однако переключение капиталов из сферы торговли в сферу производства только начиналось. Промышленность была развита слабо и в основном носила потребительский характер.

Список литературы

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1870. Т. 4.
2. Алексеева Е.П., Калмыков И.Х., Невская В.П. Добровольное присоединение Черкесии к России. Черкесск, 1957.
3. Архипов А. Подстреленный орел // Кавказ. 1851. № 27.
4. Военный сборник. 1859. № 6.
5. Гаджиев В.Г. Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекою Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. М.: Наука, 1979.
6. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 249. Оп. 1. Д. 248.
7. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 177.
8. ГАКК. Ф. 79. Оп. 1. Д. 4330.
9. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 444. Оп. 1. Д. 604.
10. ГАСК. Ф. 87. Оп. 1. Д. 586.
11. Гриценко Н.П. Истоки дружбы. Грозный, 1975.
12. Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие Притеречных районов в конце XVIII – первой половине XIX в. Грозный, 1961. Т. 4.
13. Дон и степное Предкавказье. XVIII – первая половина XIX в. Ростов н/Д., 1977.
14. Журнал Министерства внутренних дел. 1830. Кн. 5.
15. Иноземцева Е.И. Дагестан и Россия в XVIII – первой половине XIX в.: проблемы торгово-экономических взаимоотношений. Махачкала, 2001.
16. Кавказский календарь на 1850 год. Тифлис, 1849.
17. Кидирниязов Д.С., Мусаурова З.К. Очерки истории ногайцев XV–XVIII вв. Махачкала: Народы Дагестана, 2003.

18. Кумыков Т.Х. Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок в XIX в. Нальчик, 1962.
 19. Магомаев В.Х., Кидирниязов Д.С. Ногайцы в Северо-Кавказском историческом процессе в XVI – начале XX. Грозный, 2017.
 20. Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. М., 1966.
 21. Махмудова К.З., Кидирниязов Д.С. Георгиевский договор 1802 года // Вопросы истории. 2012. № 9. С. 148–153.
 22. Небольсин Г. Статистическое обозрение внешней торговли России. Спб., 1850. Ч. 1.
 23. Потто В.А. Два века Терского казачества. Владикавказ, 1912. Т. 2.
 24. Равинский И.В. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний. Спб., 1809.
 25. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. ВУА. Д. 6200.
 26. Российский государственный исторический архив. Ф. 1268.
 27. Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. (документы и материалы). Махачкала: Дагкнигиздат, 1958.
 28. Статистические таблицы Российской империи за 1856 год. Спб., 1858. Вып. 1. С. 223–227.
 29. Тварчрелидзе А. Ставропольская губерния в статистическом, географическом, историческом, сельскохозяйственном отношениях. Ставрополь, 1897.
 30. Торговля и промышленность Европейской России по районам. Спб., 1910. Вып. 7.
 31. Фадеев А.В. Очерки экономического развития Степного Предкавказья в дореформенный период М., 1957.
 32. Центральный государственный архив Республики Дагестан. Ф 379.
 33. Чекуменев С.А. Из истории меновой торговли с горскими народами на Северном Кавказе в конце XVIII – первой половине XIX в. // Труды КЧНИИ. Серия историческая. Ставрополь, 1970. Вып. 6.
- * * *
1. Akty, sobrannyye Kavkazskoj arheograficheskoy komissiej. Tiflis, 1870. T. 4.
 2. Alekseeva E.P., Kalmykov I.H., Nevskaja V.P. Dobrovol'noe prisoedinenie Cherkessii k Rossii. Cherkessk, 1957.
 3. Arhipov A. Podstrelennyj orel // Kavkaz. 1851. № 27.
 4. Voennyj sbornik. 1859. № 6.
 5. Gadzhiev V.G. Sochinenie I. Gerbera «Opisanie stran i narodov mezhdju Astrahan'ju i rekoju Kuroj nahodjashhihsja» kak istoricheskij istochnik po istorii narodov Kavkaza. M.: Nauka, 1979.
 6. Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja (GAKK). F. 249. Op. 1. D. 248.
 7. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 177.
 8. GAKK. F. 79. Op. 1. D. 4330.
 9. Gosudarstvennyj arhiv Stavropol'skogo kraja (GASK). F. 444. Op. 1. D. 604.
 10. GASK. F. 87. Op. 1. D. 586.
 11. Gricenko N.P. Istoki družby. Groznyj, 1975.
 12. Gricenko N.P. Social'no-jekonomicheskoe razvitiye Priterechnyh rajonov v konce XVIII – pervoj polovine XIX v. Groznyj, 1961. T. 4.
 13. Don i stepnoe Predkavkaz'e. XVIII – pervaja polovina XIX v. Rostov n/D., 1977.
 14. Zhurnal Ministerstva vnutrennih del. 1830. Kn. 5.
 15. Inozemceva E.I. Dagestan i Rossija v XVIII – pervoj polovine XIX v.: problemy torgovo-jekonomicheskikh vzaimootnoshenij. Mahachkala, 2001.
 16. Kavkazskij kalendar' na 1850 god. Tiflis, 1849.
 17. Kidirniязov D.S., Musaurova Z.K. Oчерki istorii nogajcev XV–XVIII vv. Mahachkala: Narody Dagestana, 2003.
 18. Kумыков Т.Х. Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок в XIX в. Нальчик, 1962.
 19. Magomaev V.H., Kidirniязov D.S. Nogajcy v Severo-Kavkazskom istoricheskom processe v XVI – nachale XX. Groznyj, 2017.
 20. Markova O.P. Rossija, Zakavkaz'e i mezh-dunarodnye otnoshenija v XVIII veke. M., 1966.
 21. Mahmudova K.Z., Kidirniязov D.S. Geor-gievskij dogovor 1802 goda // Voprosy istorii. 2012. № 9. S. 148–153.
 22. Nebol'sin G. Statisticheskoe obozrenie vneshnej trgovli Rossii. Spb., 1850. Ch. 1.
 23. Potto V.A. Dva veka Terskogo kazachestva. Vladikavkaz, 1912. T. 2.
 24. Ravinskij I.V. Hozjajstvennoe opisanie Astra-hanskoy i Kavkazskoj gubernij. Spb., 1809.
 25. Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoriche-skij arhiv. F. VUA. D. 6200.
 26. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv. F. 1268.
 27. Russko-dagestanskije otnoshenija XVII – per-voj chetverti XVIII v. (dokumenty i materialy). Ma-hachkala: Dagknigizdat, 1958.
 28. Statisticheskie tablicy Rossijskoj imperii za 1856 god. Spb., 1858. Vyp. 1. S. 223–227.
 29. Tvarchrelidze A. Stavropol'skaja gubernija v statisticheskom, geograficheskom, istoricheskom, sel'skohozjajstvennom otnoshenijah. Stavropol', 1897.
 30. Torgovlja i promyshlennost' Evropejskoj Ros-sii po rajonom. Spb., 1910. Vyp. 7.
 31. Fadeev A.V. Oчерki jekonomicheskogo raz- vitija Stepnogo Predkavkaz'ja v doreformennyj period M., 1957.
 32. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Dagestan. F 379.
 33. Chekmenev S.A. Iz istorii menovoj trgovli s gorskimi narodami na Severnom Kavkaze v konce XVIII v. – pervoj polovine XIX v. // Trudy KChNII. Serija istoricheskaja. Stavropol', 1970. Vyp. 6.

***Role of North Caucasian cities
in development of trade and economic
relations between peoples of the region
and peoples of Southern Russia
in XVIII – first half of XIX century***

The article deals with the role of the cities of the region in the expansion of trade relations of local peoples and the population of Southern Russia of the considered period. It is emphasized that the Russian government considered trade to be the means of strengthening its political and economic positions in the region, in every possible way tried to regulate the exchange trade in the North Caucasus.

Key words: *Russia, the Caucasus, peoples, administration, cities, trade, economic relations, influence, development.*

(Статья поступила в редакцию 10.11.2017)

***Е.А. ВОЛКОВА, Е.В. ФРОЛОВА,
И.Н. ЛИХОРАДОВА***
(Воронеж)

**ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ
И ЭВОЛЮЦИИ РЕЛИГИОЗНЫХ
ВЗГЛЯДОВ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО**

Рассматриваются история формирования и эволюция религиозных взглядов Ф.М. Достоевского. Вера его никогда не была статичной, непоколебимой. Писатель – ищущий человек, философ с критическим мышлением – не мог не подвергать веру сомнению. Этому способствовали различные обстоятельства его жизни. Ключевым фактором в трансформации религиозных взглядов послужила инсценировка казни по делу петрашевцев.

Ключевые слова: *эволюция, народ, история, общество, христианство, страдание, религиозные взгляды, Ф.М. Достоевский.*

Великий русский писатель Федор Михайлович Достоевский своей общественной деятельностью, художественными и публицистическими произведениями внес огромный вклад в сокровищницу отечественной и мировой культуры. В России традиционно круп-

ный литератор является не только писателем или поэтом, но и общественным деятелем, гражданином в подлинном смысле, защитником слабых и обездоленных, что требует значительных сил для разнообразной общественной работы. Не был исключением в этом плане и Ф.М. Достоевский. Его общественная деятельность включала участие в кружке петрашевцев, издательскую деятельность в ряде литературных журналов, общение с издателями и коллегами-литераторами, выступления перед различной аудиторией, переписку и встречи с читателями, взаимоотношения с императорской семьей Романовых и т.п. Общественная деятельность Достоевского оказывала воздействие на его социально-исторические и религиозные взгляды. В свою очередь, социально-исторические и религиозные воззрения мыслителя влияли на его общественную деятельность. При этом важную составляющую мировоззрения Достоевского составляли его религиозные взгляды. Мыслитель проделал сложный и противоречивый путь в понимании и осознании христианства.

Религия как неотъемлемая часть жизни любого человека сопровождала Ф.М. Достоевского на протяжении всей его жизни. Взгляды, представления, пристрастия, мировоззренческие ориентиры формировались с детства, под влиянием самых близких людей. Таковыми для Федора Михайловича, естественно, были отец и мать. Младший брат Андрей Михайлович оставил воспоминания, по которым можно сделать выводы о жизни семьи Достоевских, их жизненном укладе и привычках. В том числе из его воспоминаний можно узнать об отношении семьи к религии.

Дети Достоевских с раннего возраста общались к православной церкви и религии. Все они, обучившись грамоте, совершенствовали свое умение на одной Священной книге – Библии. «Первая книга для чтения была у всех нас одна. Это Священная история Ветхого и Нового завета на русском языке (кажется, переведенная с немецкого сочинения Гибнера). Она называлась, собственно, “Сто четыре священных истории Ветхого и Нового завета”. При ней было несколько довольно плохих литографий: Сотворения мира, Пребывания Адама и Евы в раю, Потопа и прочих главных священных фактов. Помню, как в недавнее уже время, а именно в 70-х годах, я, разговаривая с братом Федором Михайловичем про наше детство, упомянул об этой книге; и с ка-